

Борьба за сохранение казахской государственности в XIX веке

Клара Хафизова, доктор исторических наук, академик Казахской национальной академии естественных наук

Упразднение царской Россией статуса хана и Казахского ханства в 1821 г. вызвало недовольство степняков. Новые административные структуры давали возможность части феодальной верхушки сохранить власть над подвластными им племенами в качестве старших султанов (ага-султанов) и других должностей. Это на какое-то время заняло умы наиболее знатных из них и направило их усилия на то, чтобы не быть обойденными.

Представители ханских династий втянулись в конкурентную предвыборную борьбу, которой управлял Омск. Они стремились сохранить влияние на соотечественников при помощи новых инвеститур власти, показать свою значимость в глазах царского правительства и народа. Таким образом, недовольство сибирских казахов на время было приглушено и направлено в более управляемое и безопасное для царского правительства русло. Сохранив власть, пусть даже сильно урезанную, потомки ханов надеялись сохранить видимость государственности под усилившимся патронажем России. Случаев, когда чингисиды сообща пытались выбрать из своей среды кандидатуру на трон одного человека, не было и раньше. Старшим представителем высшей власти признавался тот, кто сел на трон раньше всех. С отменой титула «хан», все устремились в гонку на должность ага-султана. Эта креатура, умело подброшенная Россией для внедрения новой административной системы в степи, внесла еще больший разлад между правящими домами и внутри них. По прошествии короткого времени возмущение чингисидов потерей ханства стало проявляться сильнее.

Казахские правители не были изолированы от внешнего окружения, они искали поддержку в лице своих союзников и покровителей за пределами Казахстана. Другие внешние силы того времени: Цинский Китай, среднеазиатские ханства, исламский мир, Великобритания, исходя из своих собственных геополитических, геоэкономических интересов и возможностей, включались в неравное противоборство степняков по собственной инициативе. Китай не хотел лишаться буферного государства, ислам – сужения своего географического пространства.

В 20-60-х гг. XIX в. активным противником реформ Российской империи был Цинский Китай, со второй половины XVIII века установивший традиционные политические связи с ханскими семьями. Среди них были потомки Абулмамбета хана – с центром в г. Туркестане, султана Барака – с центром в юго-восточных, южных и центральных районах и Абылая – в северных, центральных районах ханства. Известно, что император Цяньлун после смерти Абылая безоговорочно поддержал права его сына Валисултана, отказав всем остальным претендентам. В то же время, цинское правительство не намеревалось прерывать связи с другими феодалами на границе беспокойного Синьцзяна. Поэтому оно смягчило свой отказ, дипломатично мотивировав его тем, что получило «прошение» от Валисултана раньше всех, и император уже «утвердил» его титул хана. При этом, большинство представителей семьи Абылая, претендующих на титул хана, никогда не отказывались от сюзеренитета царя. Они не ставили целью полное отделение от Российской империи, предпочитали оставаться в ее составе, но в качестве властителей полузависимого владения. К их числу относится и хан

Кенесары, десять лет воевавший, как он сам заявлял, не с царем, а со злоупотреблениями его пограничных властей. Действия Абылаевичей были направлены против административных мер и реформ, ущемляющих их права, как наследников хана. Губайдулла не считал, что совершает предательство, когда после принесения присяги России в должности ага-султана, откликнулся на инициативу цинских властей признать его ханом. Быть ханом отвечало личным амбициям, в то же время объективно отвечало интересам казахской государственности. Губайдулла не считал нужным скрывать от омских властей свое намерение получить ярлык (письменный документ с печатью) императора Даогуана (храмовое имя Сюаньцун, время правления 1822–1849). Окруженный отрядом казаков, срочно отправленных для пресечения его встречи с цинскими послами, привезшими патент на ханство, спасая от наказания своего сына Болата, находящегося в это время в Омске, Губайдулла писал: «... я не знал, что желание мое сочтут невозможным и что я прибыл единственно, чтобы повидаться с г. анбанем (прав. амбань – сановник – маньчж. яз.) и возвратился обратно, ныне же узнал, что прибытие мое противно законам, о чем уведомил г. анбана с тем, что я от Иджен-хана (сын Неба – маньчж. яз.) себе ханство уже не прошу, испросив же разрешения от российских господ майора и есаула, намереваюсь возвратиться в свое местопребывание. В уверение чего к писанному по-татарски отзыву Губайдулла подписался» [7]. Нарушение клятвы на аль-Коране сошло его предкам – Абылаю и Валисултану, что, может быть, и показывает их отношение к религии. Как говорится: «Париж стоит мессы». Но более оно доказывает принужденность подобной клятвы, на исполнение которой настаивала русская сторона, а также своеобразное понимание подданства кочевниками. Оно предусматривало отказ от неприятельских действий и ожидание защиты в случае вооруженных действий со стороны других государств. Мы точно не знаем, по какой причине Губайдулла не приложил к отказному письму свою личную печать, потому ли, что у него ее не было в то время под рукой или с умыслом. Обычно в документах фиксируется факт присутствия печати на нем. К слову сказать, цитируемый документ приведен в переводе того времени, а оригинал хранится в ЦГА РК. Со дня публикации в 1989 г. полного перевода этого документа ни один специалист по истории Казахстана не заинтересовался оригиналом, не переложил его с арабской графики на кириллицу.

Ликвидация ханства, ссылка хана в Березово возмутила многих старшин и была одной из причин восстания Кенесары. Недовольство народа выразил известный акын Орынбай, сочинивший песню о Губайдулле. В ней он передает радость по случаю возвращения его из края, «где запрягают собак». Воспеваешь подвиг его жены Альбобек, бесстрашно отправившейся за мужем в ссылку [5]. Акын выражает надежду, что с возвращением хана злопыхатели замолкнут, а Казахская орда возродится.

Губайдулла (А-ба-ла-да, Абайдильда) согласился на предложение омской администрации быть избранным на должность ага-султана, чтобы не лишиться остатков власти. Он являлся старшим сыном хана Валисултана, и в глазах степной элиты его право наследования титула было неоспоримым после смерти его брата султана Габбаса (А-ба-сы).

Выбор и обеспечение прав наследника является важным государственным делом. Все казахские ханы еще при жизни пытались защитить права своих преемников. Права на наследование трона в степи традиционно оставались за старшим сыном, рожденным от старшей жены. Нарушение этого права было крайне редким. Например, хан Абылай (ум. в 1780 г.) сумел обойти Болата – сына Абулмамбета, опираясь на древнее тюркское право передачи власти брату умершего кагана или старшему в клане. Это косвенно подтверждается письмом султана Даира – сына Барака султана (убийцы хана Абулхаира). Абылай якобы заверял Даира, своего старшего зятя, что после смерти власть должна перейти ему. Оригиналы писем Даира на тюрки хранятся в Архиве внешней политики Российской империи и в Первом историческом архиве КНР. Среди претендентов на место умершего Абылая Цинская империя рассматривала также султана Уруса (О-ло-сы), сына

Салтамамета (Султанмухаммеда), ближайшего родственника Абылая, возглавлявшего посольство в Китай в 1759 г. На самом деле, Абылай хлопотал перед русскими и цинскими властями о признании наследственных прав своих сыновей. В письме императору Цяньлуну (правил в 1736–1796 гг.) он указал своим наследником Габбас султана. Богдыхан признал это право и пожаловал Габбасу титул кронпринца гун. Но до получения трона он не дожил [7].

Цинское правительство практику титулования наследников начало с детей Абылая. Первый ритуал вручения ханского ярлыка был совершен в отношении Валисултана. В последующем, в подобных случаях цинское правительство поступало на основании прецедента. В 1769 г. Валисултан во главе посольства Абылая был в Пекине с целью укрепления своего положения, а также распространения власти семьи на Семиречье и соседние казахские племена [5]. Султан совершил на аудиенции все принятые при цинском дворе церемониалы, как и при вручении ему грамоты с признанием его ханского титула на своей родине [1]. Его послы в Санкт-Петербурге также исполняли формальности русского двора. Это было платой за то, чтобы соседние государства признали его официально, а внутренняя оппозиция смирилась. Казахи одновременно укрепляли торговые отношения со всеми соседними странами. Россия удовлетворилась реальным положением дел, отвлеченная войной с Францией и Турцией.

Российская и Цинская империи не могли долго мириться с этой двусмысленностью, каждая из них искала и находила новые рычаги воздействия на хана, выискивала потенциальных конкурентов Абылаевичей и выражала им знаки благоволения. Противостояние царской России и цинского Китая в регионе Центральной Азии ограничивалось пока дипломатическими методами.

Первое двадцатилетие XIX столетия династия Цин находилась на вершине могущества. Новые подданные оставались в целом спокойными. Потомки религиозных лидеров уйгуров находились за рубежом, они вынашивали идеи возвращения к власти, но еще не накопили сил, достаточных для вторжения в Синьцзян. Западные державы были заняты европейскими проблемами, а время опиумных войн западных держав в Китае еще не наступило. Император Цзяцин (время правления 1796–1820) проводил время на охоте, в дворцовых приемах во Дворце сохранения гармонии (Баохэдянь), за воротами сада Сиюань и Сихуа Запретного города Гугун, театральных представлениях. Устраивались встречи «настоящих внешних вассалов» (чжэн вайфань): вождей племен ойратов, хошутов, перекочевавших с Волги торгутов, дэрбетов, чахаров, уйгурских беков Кашгарии, Турфана и Хами. Император угощал их из своих рук чаем и вином, жаловал титулами и подарками. Не оставались без внимания и номинальные, «внешние вассалы», к которым относились правители киргизов, казахов. Командиры гарнизонов чахаров, сибо, солонов и ойратов (линьдуй дачэнь на кит. яз.) старались регулярно проводить объезды границ с их землями. К дозорным отрядам командировались тюркоязычные переводчики, среди них были и казахские старшины Илийского, Тарбагатайского, Кобдоского округов. Тщательно собирались и анализировались сведения о состоянии внутри ханств и отношений между их правителями. С тем или иным интервалом от времени избрания казахами хана, Илийский генерал-губернатор (цзянцзюнь) и находящиеся под его началом наместники (цанцзань дачэнь на кит. яз. и хэбэй-амбань на маньчж. яз.) Тарбагатая, Монгольского Алтая, Кашгарии узнавали о смерти правителя. Цзянцзюнь докладывал об этом императору и поощрял наследников подавать «прошения» об утверждении богдыханом их достоинств.

С конца XVIII века Валисултан был озабочен тем, чтобы оставить трон своим потомкам. В 1800 г. он послал в Китай своего брата Бегали, через которого получил грамоту императора Цзяцина, датированную 23 мая (5 год правления Цзяцин, 5 луна, гуймао), с объявлением его наследником Габбаса султана. Для ее торжественного вручения в кочевье хана была командирована делегация, с которой ему полагалось отправить другого из сыновей, переболевшего оспой [7]. Присутствие сына Валисултана в

цинском посольстве обеспечивало безопасность возвращавшихся цинских послов, а его пребывание в Китае – гарантию от неприятельских поступков казахов. Тем не менее, в сентябре 1809 г. (14 год правления Цзяцин, 8 луна, сычоу) император признал ханом сына Болата – Тогума (То-хо-му). Отдельно в тот же день был издан приказ о присвоении сыну Тогума – Алтынсары – титула кронпринца. Оба приказа были приурочены к 50-летию юбилею императора Цзяцина, на празднование которого прибыл Алтынсары, как и делегация Валисултана из 16 человек во главе с братом Досали (До-со-ли) и сыном Сарбаем (Са-эр-бай). Между тем, сам Болат – сын Абулмамбета – не был в свое время признан Китаем ханом.

Противостояние России и Китая начало постепенно накаливаться после смерти Валисултана, а также в связи с агрессией Кокандского ханства. Наиболее ярким примером является случай с титулованием ханом султана Губайдуллы в 1823 г. Приводим ниже документы, повлиявшие на Русско-казахские отношения первой четверти XIX века. Первый был переведен и впервые опубликован автором данных строк в 1989 г. (была допущена ошибка с идентификацией имени младшего брата Губайдуллы, который был транскрибирован как Пирали, но скорее всего, это был Бегали). Кроме того, до сих пор не выявлены причины, заставившие Губайдуллу объявить наследником не своего первенца Болата, а племянника – Абылая султана, известного больше под именем Кулан. Этот султан обладал диким нравом, безраздельно властвовал над племенами Семиречья и своими братьями.

«1823, декабрь 9 (5 год правления Даогуан, 11 луна, день синьмао). Высочайшая грамота императора Даогуана казаху А-би-ла-да.

В прошлом году илийский цзянцзюнь подал нам доклад о том, что ты (Губайдулла, Абайдильда) собираешься прислать своего младшего брата Чжан-ту-ла (Жанторе султана) с прошением, в котором сообщается о смерти твоего отца Валисултана зимой прошлого года. По окончании траура по своему отцу ты прислал своего младшего брата Жанторе с докладом о кончине (отца), почтительно прислал в дар коней, а также пишешь, что после кончины отца весь казахский народ пожелал избрать ханом тебя. Однако, (не получив на это нашего) одобрения, ты не осмеливаешься называть себя ханом и уповаешь на нашу милость.

Мы (император), услышав весть о смерти твоего отца, испытали глубокую скорбь. Твои дед и отец были весьма послушны и пользовались нашей благосклонностью. Теперь твой отец скончался, и хотя ты (фактически) уже управляешь казахским народом, но, не получив нашего соизволения, не осмеливаешься называть себя ханом, а потому прислал своего младшего брата Жанторе-султана с сообщением о желании народа иметь тебя своим (правителем). Просишь на это нашего указа. (Твоя) почтительность нас весьма радует. Титул хана оставлен тебе твоими предками. При жизни твоего отца ты помогал ему в деле управления кочевьями. Подвластные казахи все почитают тебя, ты умеешь держать их в узде, это нам хорошо известно. Мы (император) дали специальный указ (пограничным) сановникам препроводить к тебе бумажные деньги и другие ритуальные вещи, дабы провести (от нашего имени) тризну по твоему отцу. Получив данный наш указ, ты должен испытать чувство благодарности за нашу милость, чутко управлять казахским народом, жить в дружбе со своим потомством и братьями, не чинить конфликтов, крепко охранять границу, строго наказывать разбойников, жить в мире с соседями. Во всех делах прислушиваться (к советам) наших илийского цзянцзюня и тарбагатайского цанцзань дачэня. Получив наставления от них, (тебе надлежит неукоснительно) следовать (им). Не надо думать (лишь) о собственном благополучии. Если ты действительно будешь подобно своим предкам усерден и осмотрителен, Мы (император) будем особо заботиться о тебе. Если ты действительно будешь следовать нашим повелениям, будешь вечно пользоваться нашим благорасположением. Не будь нерадивым!

Ныне, поскольку передаем (для вручения тебе лично) этот указ, специально высылаем тебе в дар 4 больших куска атласа. Кроме того, как передал нам илийский генерал-губернатор, ты намереваешься прислать своих племянников Абылай-султана и своего младшего брата Пи-лай-ли (Бегали) султана. Просишь, чтобы Абылай-султан наследовал титул гуна, пожалованный (некогда) твоему старшему брату покойному Габбас-султану и т. д. Этот титул гун был специально присвоен (Габбасу) в связи с многолетними хлопотами твоего деда. И он не является наследуемым. Теперь Габбас-султан скончался, и, по правилам, право наследования прекращено. Но, поскольку твой племянник Абылай-султан издали присылает своего младшего брата Бегали-султана, (чтобы) почтительно осведомиться о нашем здоровье, а также прислал в качестве дани лошадей, (тем самым) проявил уважение к нам и послушание, Мы все же жалуем Абылай-султану титул гуна. Это является выражением нашего глубокого уважения и благосклонного отношения к внешним вассалам, но не является принятым у нас правилом (законом). Объясни это своему племяннику Абылаю-султану. Высочайшее повеление!» [3].

После смерти хана Валисултана Цинская империя выискивала в своих архивах все материалы о практике титулования крупнейших правящих фамилий в Северном, Центральном и Южном Казахстане и старалась придерживаться ее до территориального разграничения с Россией от Алтая до Или. Это касалось как содержания «прошений», грамот и высочайших указов, всего механизма их внедрения в жизнь, так и принятых обрядов и церемоний. Способы присвоения титулов низших рангов крупным и авторитетным чингисидам восточных и южных казахов были аналогичными.

Осенью 1826 г. (6 год правления Даогуан, 9 луна, куйцзи) в связи со смертью от болезни хана Тогума выдали ханский ярлык его сыну Алтынсары. Алтынсары (А-ле-тань-ша-ла) сообщил в письме илийскому генерал-губернатору о смерти отца, о том, что его хотят избрать ханом (он был уже поднят на белой кошме). Он просил совета, как ему поступить. В 1826–1828 г. Синьцзян был частично завоеван сторонниками ходжи Джохангира, а г. Туркестан завоеван Кокандом. Обращение Алтынсары, доставленное в Кульджу его младшим братом Жангиром (Цзян-си-эр) с конями, предназначенными в подарок императору, было кстати [3]. Затем гун Алтынсары исчез с поля зрения Цинов, которые искали его несколько лет и обнаружили на севере Казахстана. Этот казахский феодал, очевидно, был беден, не имел крупные стада, не пригонял их на торговый обмен, не был замечен неприятельскими поступками и потому, не известен русским властям. Цинские власти упорствовали в поисках хана, его детей, чтобы претендовать на их лояльность. На церемониале конфирмации вместо благодарности хан выказал недовольство тем, что был нарушен порядок титулования в части количества императорских подарков. Затем он вновь надолго исчез с поля зрения. Правами Алтынсары пытался воспользоваться правитель племени найман Тарбагатайского и Алтайского округов Синьцзяна, а также на их границах, его племянник Шортан. Он подделал письмо-отказ Алтынсары от ханского титула в его пользу. Шортан (имя означает хищную рыбу – щуку) подкупил цинского чиновника и пустил фальшивку в ход. К тому же, Шортан был родственником Алтынсары по материнской линии и по всем законам не имел права наследовать высокий титул. Возникло судебное дело, но, в конечном итоге, Цинам в политических интересах пришлось примириться с фактом мошенничества этого старшины и согласиться на захват им титула хана [5].

Конкуренция Российской и Цинской империй в первом двадцатилетии носила, преимущественно, политический характер. Ликвидация ханского звания в Среднем жузе вызвала недовольство представителей казахских властителей, спровоцировала их вооруженное сопротивление, наиболее ярким представителем этого движения был Кенесары. Отношение к нему цинского правительства не определилось. Поэтому его подтвержденное русскими источниками единственное посольство, с невероятными усилиями прибывшее в Синьцзян, не было доставлено в Пекин. Провинциальное правительство отправило с посольством к Кенесары своего чиновника или доверенное

лицо из казахов и калмыков. Калмыки и туркмены, как и у его деда, занимали не последнее место среди туленгутов мятежника. Но итоги их поездки в лагерь Кенесары, находящегося в 1847 г. в Семиречье, не известны. Можно выдвинуть версию, что зажатый в тиски Кенесары просил разрешения укрыться в пределах Китая. Цинское правительство не было готово ссориться с Россией, укрыв у себя его противника. Но его сарбазов можно было бы использовать для подавления восстания уйгуров и сочувствующих им киргизов. Ходжей вдохновляло и поддерживало Кокандское ханство (андижанцы). Вражда семьи Касыма с Ташкентом, убийство здесь отца и братьев Кенесары, объявленная им война против Кокандского ханства в 1840–1847 гг. – все это устраивало Китай, как, впрочем, и Россию. Синьцзян еще не оправился от четырех походов ходжи Джахангира в 1820–1828 гг., Юсуфа в 1830 г. В 1847 г. в Кашгарии вторглись объединенные ополчения семи ходжей. В такой ситуации цинское правительство не могло полностью игнорировать просьбу потомка Абылая.

Многие из ханов и в лучшие времена не имели крепкой власти над всеми казахскими племенами. Энергия ханов и султанов терялась в безбрежных просторах страны, угасала в преодолении феодальной раздробленности, подобно тому, как реки на их землях терялись в песках. Среди властителей были те, кто хотел лишь сохранения своего привилегированного положения, возможности господствовать над родовыми кочевьями. Не было также никого, кто бы мог долго держать в узде других больших и малых степных властителей и старшин родов и в мирное время. Борьба султанов Касыма, его сыновей Саржана, Кенесары в 1824–1847 гг. отсрочила исполнение царских реформ. Ханы и претенденты на ханский титул в своей борьбе прибегали к политическим демаршам и дипломатическим маневрам, к поддержке внешних центров сил. Все они были направлены на сохранение в XIX веке своего государства, остатков его суверенитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтан-Очир, У Юаньфэн. Цинтин цэфэн Валисултан вэй хасакэ чжунчжан хан шимо (История титулования цинским двором Валисултана ханом Среднего жуза). Чжунго бяньцзян ши ди яньцзю (История и география пограничных районов Китая). Пекин, № 3, 1998, с. 52–58.
2. Дай Цин Жэньцзун Жуйхуанди шилу, цз. 68, л. 8. Дай Цин личао шилу (Правдивые записи Великой династии Цин). Токио, 1937.
3. Дай Цин Сюаньцзун Чэнхуанди шилу, цз. 61, л. 39 об. 41 об.
4. Жапекова Г. К. Статус женщины в традиционном казахском обществе (рукопись).
5. Хафизова К. Ш. Отношения султана Алтынсары с цинским правительством (1809–1874). Методологические и конкретно-исторические проблемы изучения отечественной истории. Материалы международной научно-практической конференции «Касымбаевские чтения». Алматы, 2008, с. 16–21. Ее же. Султан Адиль и его потомки в Семиречье (В тисках цивилизаций). Современная цивилизация и национальные государства. Алматы, 2008, с. 48–65. Ее же. Губайдулла султан. Қазақ мұрағаттары. № 1 (13), 2010, с. 121–131.
6. ЦГА РК, фонд 338, оп. 1, д. 659 «О происках Китайской империи в казахской степи».
7. Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв. Часть 2. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1989, с. 128–130.